

УДК 398.224(=161.1)(571.56-37)
DOI 10.25587/2782-4861-2023-4-5-24

Т. Г. Иванова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ РУССКОГО УСТЬЯ

Аннотация. Предметом исследования является русская былинная традиция Русского Устья, стоящего на р. Индигирке. Актуальность исследования заключается в необходимости на современном уровне описать одну из региональных былинных традиций Сибири в связи с работой Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН над серией «Былины» Свода русского фольклора. Соответственно цель и задачи исследования определяются системным подходом к материалу, осмысленным в связи с историей заселения края, историей записи былин в регионе и последовательной характеристикой каждого записанного былинного сюжета. В статье коротко освещается история заселения Русского Устья: открытие устья Индигирки казаком И. Ребровым в 1638 г., построение города Зашиверска в среднем течении Индигирки, заселение устья реки из Зашиверска и с моря. Приводятся устные семейные предания русскоустыинцев. В статье описывается также история записи былин в Русском Устье и от его жителей: политический ссыльный И. А. Худяков (1867–1869); В. М. Зензинов (1912); выпускник этнографического отделения Ленинградского государственного университета Д. Д. Травин (1928); якутский краевед М. А. Кротов (1931–1932); якутский писатель, участник этнографо-лингвистической экспедиции Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР Н. А. Габышев (1946); крупный московский былиновед Ю. И. Смирнов (1982) и известный этномузыколог Т. С. Шенталинская (1985). Главное содержание статьи – характеристика местных былин (25 текстов). Отмечается почти полное отсутствие былин об Илье Муромце (единственный текст «Илья Муромец и Идолище»). Указывается на популярность сюжета «Добрыня и Змей» (6 вариантов), в котором появляется отсутствующее в Европейской России имя Марии Изяславны (вместо традиционной Забавы Путятичны), связывающей (через отчество Изяславна) былины Русского Устья с ономастиком Древней Руси. Анализируется былина «Михаил Данилович – малолетний богатырь» (6 вариантов), в которой появляется враг Тит, неизвестный на Русском Севере. Делается предположение, что это имя в Русском Устье позаимствовало из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия – памятника позднеантичной литературы (75–79 гг. н. э.), известного на Руси в переводе и очень популярного в рукописной традиции. Вероятно, один из списков был привнесен в Русское Устье. Тит у Иосифа Флавия – сын императора Веспасиана, враг Иудеи. В «Наезде литовцев» (3 варианта) имена «своих» героев – царь Елизар и его сестра Марья Елизаровна (имена, отсутствующие на Русском Севере) – также могут быть отголосками «Истории Иудейской войны», где среди иудеев называется несколько персонажей с именем Эльзар. Рассматриваются и остальные былинные сюжеты – «Суровец», «Дюк Степанович», «Садко».

Ключевые слова: Русское Устье и история его заселения; история собирания былин в Русском устье; «Илья Муромец и Идолище»; «Добрыня и Змей»; «Михаил Данилович – малолетний богатырь»; «Наезд литовцев»; «Суровец»; «Дюк Степанович»; «Садко»; «История Иудейской войны» Иосифа Флавия

Для цитирования: Иванова Т. Г. Былинная традиция Русского Устья. Эпосоведение. 2023, № 4. С. 5-24. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-4-5-24.

ИВАНОВА Татьяна Григорьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: tgivanova@indox.ru

IVANOVA Tatiana Grigorievna – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Russian Folklore Department, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: tgivanova@indox.ru

T. G. Ivanova
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the RAS

Epic tradition of the Russkoe Ustye

Abstract. Russian epic tradition of the village Russkoe Ustye, standing on the Indigirka River, is the subject of the study. The relevance of the research lies in the need to describe one of the regional epic traditions of Siberia at the modern stage in connection with the work of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences on the series “Bylinas” of the Russian Folklore Code. Accordingly, the purpose and objectives of the study are determined by a systematic approach to material, meaningful in connection with the history of inhabiting the region, the history of the recording epics in the region, and the consistent characteristics of each recorded epic plot. The article reviews the history of inhabiting the Russian Estuary: the discovery of the mouth of the Indigirka by the Cossack Ivan Rebrov in 1638, the construction of the town of Zashiversk in the middle reaches of the Indigirka, inhabiting the mouth of the river from Zashiversk and from the sea. The oral family traditions of the Russkoustians are given. The article also describes the history of the recording epics in Russkoe Ustye and from its inhabitants: political exile I. A. Khudyakov (1867–1869); V. M. Zenzinov (1912); graduate of the ethnographic department of Leningrad State University D. D. Travin (1928); Yakut local historian M. A. Krotov (1931–1932); Yakut writer, member of the ethnographic and linguistic expedition of the Institute of Language, Literature and History of the Yakut branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences N. A. Gabyshev (1946); major Moscow bylinologist Yu. I. Smirnov (1982) and famous ethnomusicologist T. S. Shentalinskaya (1985). The main content of the article is the characteristics of local epics (25 texts). There is an almost complete absence of epics about Ilya Muromets (the only text is “Ilya Muromets and the Idolishche”). The popularity of the plot “Dobrynya and the Serpent” (six variants) is indicated, in which the name of Maria Izyaslavna, absent in European Russia, appears (instead of the traditional Zabava Putjatichna), linking (through the patronymic Izyaslavna) the epics of Russkoe Ustye with the onomasticon of Ancient Russia. The epic “Mikhail Danilovich – the minor hero” (six variants) is analyzed, in which the enemy Titus appears, unknown in the Russian North. It is assumed that this name in Russkoe Ustye was borrowed from the “History of the Jewish War” by Josephus Flavij, a monument of late Antique literature (75–79 A.D.), known in Russia in translation and very popular in the manuscript tradition. Probably one of the lists was brought to Russkoe Ustye. Josephus’ Titus is the son of Emperor Vespasian, an enemy of Judea. In the “Arrival of the Lithuanians” (three variants), the names of “our” heroes – Tsar Elizar and his sister Maria Elizarovna (names that are absent in the Russian North) – may also be echoe of the “History of the Jewish War”, where several characters with the name Eleazar are called among the Jews. Other epic plots are also considered – “Surovets”, “Duke Stepanovich”, “Sadko”.

Keywords: Russkoe Ustye and the history of its settlement; history of collecting epics in Russkoe Ustye; “Ilya Muromets and the Idolishche”; “Dobrynya and the Serpent”; “Mikhail Danilovich – a minor hero”; “Arrival of the Lithuanians”; “Surovets”; “Duke Stepanovich”; “Sadko”; “History of the Jewish War” by Josephus Flavij

For citation: Ivanova T. G. Epic tradition of Russkoe Ustye. Epic studies. 2023, no. 4. Pp. 5–24. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-4-5-24.

Введение

Предметом исследования является былинная традиция Русского Устья – удаленной точки Восточной Сибири, стоящей на Индигирке – крупной реке (1726 км), текущей на востоке от Лены и впадающей в Восточно-Сибирское море. Устье ее, начиная со 130 км от моря, образует протоки (рукава): Русско-Устьинская (Русская), Средняя, Колымская (с запада на восток). В настоящее время эта территория входит в Аллаиховский улус (район) Республики Саха (Якутия). Этот регион в этнографической литературе называется Русское Устье, равно как и главное его селение.

Источниковой базой являются сборники «Фольклор Русского Устья» (Ленинград, 1986) и «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск, 1991), вобравшие все известные в настоящее время записи русских эпических песен региона. Во вступительных статьях к названным сборникам, естественно, дана некоторая, но недостаточно полная характери-

стика былин Русского Устья. Равным образом попытка осмыслить былинную традицию края представлена в небольшой монографии Л. Н. Скрыбкиной «Былины русского населения Северо-Востока Сибири» (Новосибирск, 1995), где русскоустыинские былины рассматриваются в совокупности и сопоставлении с эпическими песнями Колымы и Анадыря, причем при анализе текстов фоновым материалом становится также былины Кириши Данилова. Мы же предлагаем системный подход к всему корпусу текстов Русского Устья, что позволит при продолжении исследования выявить своеобразие данной былинной региональной традиции по сравнению с традициями Енисея и Ангара, Колымы и Анадыря.

История заселения Русского Устья

Коротко осветим историю заселения Русского Устья, сосредоточившись в основном на устной памяти жителей этого региона [1; 2; 3; 4]. Документальные сведения о Русском Устье (регионе) относятся к XVII в. Открытие устья Индигирки принадлежит казачьему пятидесятнику Ивану Ивановичу Реброву (Роброву) (?–1666). В 1631 г. из Тобольска он был направлен в Мангазею, откуда уже освоенным русскими людьми путем, добравшись до Енисея, по Нижней Тунгуске дошел до волока, а затем по Вилую спустился до Лены. В 1633–1636 гг. на кочах он продвинулся до устья Лены, став, таким образом, первопроходцем в этих местах. Основав в Оленёкском заливе зимовье, И. И. Ребров собрал ясак с эвенков. В 1638 г. он обнаружил устье Индигирки, поднялся на 600 км вверх по реке, где также основал зимовье и собрал ясак с эвенов и якутов. В 1641 г. И. И. Ребров вернулся на Лену. Впоследствии он являлся приказчиком в 1642–1647 гг. на р. Оленёк и в 1649–1654 гг. – на Колыме.

Зимовье, основанное Иваном Ребровым в среднем течении Индигирки на землях юкагиров (о юкагирах см.: [5]), другим первопроходцем – енисейским казаком Посником Ивановым – в 1640 г. было превращено в острог, позднее известный как город Зашиверск (с 1783 г. центр Зашиверского уезда в Якутии). В XVII – начале XIX вв. это было место сбора ясака. Для устья Индигирки Зашиверск, где располагались боеприпасный и хлебный магазины (склады), был ближайшей крупной точкой. В 1773–1776 гг. город почти полностью вымер в эпидемию оспы, повторившуюся в 1883 г., после чего Зашиверск запустел и прекратил существование.

Дельта Индигирки, подчеркнем, заселялась и из Зашиверска (через Зашиверск), и морским путем, о чем помнят устные предания. В. М. Зензинов, единственный политический ссыльный, оказавшийся в 1912 г. в Русском Устье, указывает, что местные жители ведут начало своего селения со времен Ивана Грозного, когда люди бежали на Индигирку от гнева царя. Егор Голыжинский из русскоустыинского селения Косухино рассказывал: «Слышал я от старых, совсем старых людей, что ране река была вовсе юкагирская. Собрались люди с разных губерний и поплыли на лодках морем – от удущья спасались, болезнь такая. И доехали они до самой Индигирки и здесь поселились. А в России их вовсе потеряли. Люди были дворянских фамилий, дед мой был дворянин и грамота у него была с золотыми буквами, да мальчишка изорвал» [6, с. 27; 7, с. 215, № 81]. Очевидно, что и попытка привязать основание Русского Устья к временам Ивана Грозного, и указание на дворянские корни – это легендарная составляющая устной памяти местных жителей. В комментариях к сборнику «Фольклор Русского Устья» указывается, кстати, что на 1650 г. в Русском Устье проживал устюжанин Василий Иванович Голыгин, который, возможно, был предком Голыжинских [7, с. 318]. Реально-историческая составляющая в этом предании, вероятно, может относиться только к прибытию какой-то части первопоселенцев по морю из устья Лены.

Согласно преданию, рассказанному Егором Голыжинским, одним из переломных моментов в жизни Русского Устья стало обложение местных жителей податью. Предок информанта, потеряв дворянство (если оно было), стал называться мещанином: «Как платить стал комиссару подати, в мещане записали. А сначала-то и вовсе ничего не платили. Узнали наконец про них и в России, царь приказал комиссарам подати собирать, а подать была четвертак чистый, двадцать пять копеек» [6, с. 27]. Надо полагать, что обложение русскоустыинцев податью относится

к 1650 г., когда в устье Индигирки 142 человека уплатили оброк. Документы 1650 г. свидетельствуют, что индигирские промышленники, причисленные к зашиверским мещанам, прибыли из Великого Устюга, Вятки, Соли Вычегодской, с Мезени, Холмогор, Пинеги, Чердыни и даже Новгорода. Словом, европейский Русский Север как материнская метрополия прочитывается явственно [5, с. 55].

Егор Голыжинский, невероятно фантастически искажая русскую топонимику, тем не менее, по-видимому, правильно отражает суть заселения Русского Устья – из разных местностей европейской России: «Дальше – больше – и обжились люди. Была ревизия: приехали сюда, фамилии искали; ты из Воронцовской губернии, будешь Воронцовский, из Галуги – Галугинский».

В XIX – начале XX вв. в устье Индигирки стояло около 30 русских селений – от 2 до 7 дымов (дворов). В. М. Зензинов оставил список населенных мест по Индигирке на 1912 г. [6, с. 151–154].

Самое большое поселение в устье Индигирки – Русское Устье (Русское Жило), расположенное на Русской протоке (в 120 км от современного районного центра Чокурдах, находящегося чуть выше образования проток). Сами русскоустыинцы о себе говорят: «Мы из захолустья – из Русского Устья» [8, с. 15]. Во времена В. М. Зензинова в селении Русское Устье было 6 дымов (т. е. изб), здесь располагалась управа края, проживали староста и писарь, стояла церковь (без священника).

Вниз от Русского Устья на Русской протоке находились другие малодворные селения: Стариково (15 верст от Русского Устья; 5 дымов); Горлышко (20 верст, 2 дыма); Кузьмичево (22 версты, 1 дым); Шаманово (25 верст, 1 дым); Орехино (28 верст, 1 дым); Федоровское (30 верст, 1 дым); Осколково (40 верст, 3 дыма); Любазное (45 верст, 1 дым); Косухино (50 верст, 6 дымов).

На Средней протоке располагались Хатыстах (20 верст от Русского Устья, 4 дыма) и Крутое (21 верста, 3 дыма).

На Колымской, самой восточной протоке, В. М. Зензинов называет Лундино (36 верст от Русского Устья, 2 дыма) и Станчик (50 верст, 5 дымов). Станчик, по-видимому, некогда был укрепленным казачьи острожком (станом). На Колымской же протоке стояло Косово (25 верст от Станчика, 2 дыма); Яр (35 верст от Станчика, 3 дыма). В Колесово и Блудном людей на 1912 г. не было. На Алазее, в ста верстах к востоку, стоял 1 дым.

Вверх по Индигирке от Русского Устья (т. е. выше образования рукавов), согласно данным В. М. Зензинова, находились Бородино (30 верст от Русского Устья, 3 дыма), Шевелево (60 верст, 6 дымов), Аллаиха (120 верст, 10 дымов). В Аллаихе, населенной в основном якутами, проживал священник, приезжавший один раз в году в Русское Устье. Далее вверх по Индигирке располагались Шанское (170 верст, 1 дым), Якутские юрты (210 верст, 1 дым), Эрча (260 верст, 1 дым), Похвальное (310 верст, 1 дым), Ожогоино (380 верст, 1 дым). В Ожогоино некогда находился хлебный магазин (склад), переведенный затем в Зашиверск.

Мы специально подробно остановились на малодворности русскоустыинских поселений, чтобы подчеркнуть, каким малым количеством жителей до середины XX в. была сохранена былинная традиция.

Коренными фамилиями, по сведениям местного уроженца и краеведа А. Г. Чикачева [2, с. 27], в регионе Русское Устье были Чихачевы, Киселевы, Струковы, Антоновы, Щелкановы, Голыженские, Рожины, Шкулевы, Шелоховские, Черемкины, Суздаловы. Чихачевы, предполагает А. Г. Чикачев, происходят от одного из членов отряда Дмитрия Зыряна (умер в 1646) – первопроездца на р. Яне, верховьев Индигирки, Колымы. Не исключено, что у Чихачевых имеются зырянские корни. «Некорневыми» (пришлыми) на Индигирке являлись Скопины, Гуськовы, Каратаевы, Журавлевы, Поневы, Шаховы, Котевищевы, Шульговаты, Портнягины. Отдельную группу составляют обрусевшие юкагиры и якуты – Варакины, Щербачковы, Новгородовы, Клемовские.

В семейных преданиях Щелкановых рассказывается: «Первыми пришедшими в Русское Устье русскими, которыми оно и было названо “Русским”, были Щелканов (дед теперешнего) и

Чихачев. Щелканов говорит, что его дед был донской казак и бежал после разгрома Ст. Разина, будучи его родственником. Пришли они морем. Остальные жители пришли позже на плотах, сверху по Индигирке» [7, с. 215, № 83]. Предание, как видим, не укладывается в хронологические рамки: восстание Степана Разина произошло в 1670–1671 г. – обложение русскоустынцев податью в 1650 г.

Морем в устье Индигирки, согласно устным преданиям, пришел и первый Чихачев: «Зырянин Григорий Чихачев <...> был чернокнижник. У него было много книг, которые дед теперешнего Чихачева сжег: так их боялся («Книги из огня высказывали»). У Григория Чихачева была привезена и шелковая одежда, которая после досталась дочерям» [7, с. 216, № 84].

Любопытно топонимическое предание, обобщающее картину заселения устья Индигирки. В противовес приведенным преданиям о первом Щелканове, соратнике Степана Разина, и чернокнижнике Григории Чихачеве, которые пришли с моря, П. Н. Чикачев из Федоровского в 1946 г. называет разные точки, откуда двигались русскоустыинские первопоселенцы. Чикачев, например, согласно его семейным представлениям, пришел с верха Индигирки: «Киселевы, Чикачевы пришли с верху по Индигирке». Для остальных фамилий называется и море, и Колыма: «Шкулевы пришли с колымской стороны. Щелкановы пришли морем. Шкулевы остановились на становище, а потому это место назвали Станчик». В связи с Голыжинскими называется русскоустыинская точка Гулянка, прекратившая свое существование уже ко временам В. М. Зензинова: «Голыжинские пришли, говорят, тоже с верху и обосновались на Гулянке. Название “Гулянка” происходит оттого, что там гуляли после питья водки». Далее П. Н. Чикачев продолжает: «Косухино происходит от фамилии человека. Кузьмичево – от слова “Кузьма”. Федоровское оттого, что есть протока Федоровское, от слова “Федор”. Стариково – оттого, что стали жить старые люди. Лабазно – оттого, что впервые построили там лабаз. Брусово – по месту: летом виден брус. Толста – потому что берега толстые. Горличко... от Стариково было налево курья – она, было, вроде горела, откуда и произошло и слово “Горличко”. Осколково – угор откалывался, и осколки летели. Ганино – в улово метал сети Гаврила. Чириково – с реки идет виска в озеро. По этой виске проходят чыры» [7, с. 215, № 82] (упомянутый здесь чир – вид озерной рыбы).

Обратим внимание на топоним Гулянка, названный в тексте П. Н. Чикачева. В других записях от него читаем: «Отсюда, с Русского Устья, вверх близко на устье виски Елонь, в старину, говорят, был город названием Гулянка. В настоящем это место сохранило только свое старинное название. Теперь-то тамука ничего нет, не живет. Место смывает водой, берег каждый год обрывается» [7, с. 216, № 85]; «Раньше в Русском Устье не было ни одного дома. Подальше от него есть место Гулянка на р. Елонь. Тут был город. И был водочный кабак. С Гулянки сто пятьдесят – двести лет тому назад перешли в Русское Устье» [7, с. 216, № 86].

Если признать достоверной устную память русскоустынцев, то первоначальным центром региона Русское Устье была Гулянка (кабак может быть поставлен исключительно в центре края), и только позднее (например, в начале XVIII в.) центр был перенесен в новое селение – Русское Устье, которое описал В. М. Зензинов.

Русское Устье, по свидетельству В. М. Зензинова, сохранило дух XVII в. Оказавшись в ссылке в здешнем крае, в своем дневнике он следующим образом описывал первые впечатления: «21 января 1912 года. Первый день в Русском Устье. Не знаю, не понимаю, куда я приехал. После полуторамесячного странствия по якутам, с их непонятной речью и чуждой для меня жизнью, я вдруг снова оказался в России. Светлые рубленые избы, вымытый деревянный пол, выскобленные стены и чистая русская речь». И далее В. М. Зензинов продолжает: «Это, конечно, Россия, но Россия XVII, может быть, XVI века. Странные древние обороты речи и слова, совершенно патриархальные, почти идиллические отношения <...> В селении стоит наивная часовенка со старинной тяжелой иконой Божьей Матери. “Только она нас и хранит,” – убежденно сказал мне русскоустинец. Вероятно, так же верили наши предки» [7, с. 278–279].

В 1942 г. селение Русское Устье было перенесено со своего первоначального места в другое – на 20 км ниже по течению реки. Сюда же переселили большинство жителей других селений устья Индигирки с Русской и Средней протоки. Новый поселок был назван Полярным; в 1988 г. селению вернули историческое имя Русское Устье.

А. Г. Чикачев зафиксировал причет женщин, расстававшихся с первоначальным (историческим) Русским Устьем:

Прощай, батюшко *Русское Устье!*
Прости нас, грешных,
Теперь нам по твоим веречийкам не хаживать,
Матушку-дубравушку не таптывать [2, с. 14].

В сборнике «Фольклор Русского Устья» [7] представлен целый ряд частушек, в которых отражены индигирские локусы: сама река Индигирка (№ 384, 385, 491), Русское (т. е. Русское Устье) (№ 352, 357, 366, 369, 373, 380, 386, 389, 480, 484), Полярный (№ 488, 489, 508), Стариково (№ 359, 529, 525, 526), Горлышко (№ 479), Кузьмичево (№ 557), Чокурдах (№ 481). Включение топонимов в фольклорные тексты, напомним, является одним из способов освоения пространства. См. о фольклоре русскоустинцев в современных записях [8].

Современные этнографы квалифицируют русскоустинцев как субэтнос [9, с. 328–329], образовавшийся в результате контактов с аборигенным населением. Несмотря на относительно редкие межэтнические браки, от юкагиров и якутов индигирцы переняли не только виды хозяйственной деятельности (рыболовство и добыча ценной пушнины – белого песца) [6, с. 57–59], но отчасти монголоидные антропологические черты и практикование шаманства (к шаманам русскоустинцы прибегали в кризисных ситуациях болезни) [6, с. 100–112].

А. Л. Биркенгоф, а вслед за ним и другие исследователи, описывают взаимоотношения русских с «иногородцами». О ламутах и юкагирах индигирцы говорили: «Народ старательный»; «Если у нас голодно, привезут без зову мяса оленьего и всего, что у них есть» [1, с. 23]. В свою очередь, русские «припасали» для юкагиров и ламутов рыбу, чай, табак.

На протяжении XVIII–XIX вв. численность населения на Индигирке колебалась от 493 человек в 1750 г. до 329 человек в 1782 г. (следствие эпидемии). В 1985 г. здесь проживало 500 человек [10, с. 40] (о современном состоянии Русского Устья см. там же: [10, с. 227–233]). В настоящее время в Русском Устье насчитывает 242 человека [10, с. 42].

История записи былин в Русском Устье

Важным компонентом русского самосознания на Индигирке были былины, которые, как известно, берут на себя функцию исторической памяти народа.

В 1860-е гг. Иван Александрович Худяков (1842–1876) в Верхоянске записал от выходца из Русского Устья две былины на сюжеты «Алеша Попович и Тугарин» и «Наезд литовцев (Князь Роман и братья Ливики)» [11, с. 303–307, 307–310]. Уроженец г. Кургана Тобольской губернии, И. А. Худяков после окончания Тобольской гимназии учился на историко-филологическом факультете Казанского, а затем Московского университетов (не окончил). К середине 1860-х гг. у него установились прочные связи с революционными кругами. Он был арестован по делу о покушении Д. В. Каракозова на Александра II в апреле 1866 г. и сослан в Сибирь, где местом его поселения оказался Верхоянск. Запись былин, скорее всего, могла быть сделана в период с 1867 до 1869 г., т. к. позднее у И. А. Худякова появились признаки душевной болезни. В 1874 г. он был переведен в Якутск, а в 1875 г. доставлен в больницу г. Иркутска, где и скончался [12, с. 500–507].

Вторым собирателем русскоустинских былин стал еще один политический ссыльный – уже названный Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953). Выходец из московской купеческой семьи, корни которой были в г. Нерчинске, по окончании гимназии в 1899–1904 он учился за границей (Берлин, Брюссель, Гейдельберг, Галл), где произошло его знакомство с революционно настроенными русскими студентами. По возвращении в Россию (1904) В. М. Зензинов

вошел в Московский комитет партии социалистов-революционеров (эсеров) и даже стал членом Боевой организации. Первый арест – январь 1905 г., ссылка в Архангельск, откуда он бежал сразу же по прибытии. Вернувшись в Москву, В. М. Зензинов оказался одним из руководителей Декабрьского восстания 1905 г. Затем последовал второй арест в Петербурге (1906), ссылка в Якутск, откуда он тоже бежал, и через Японию, Шанхай, Сингапур, Суэцкий канал добрался в Европу, а затем в 1909 г. в Россию. В мае 1910 г. последовал третий арест. На этот раз В. М. Зензинов был сослан на 5 лет в Русское Устье, куда прибыл в 1912 г. Ссылку помимо Русского Устья отбывал в Верхоянске и Булуе. Освобожден В. М. Зензинов был в 1914 или 1915 гг. После Февральской революции он был избран членом ЦК партии эсеров; после Октябрьского переворота, скрываясь уже от большевиков, переехал в Самару; вошел в Комитет членов Учредительного собрания, а затем был избран членом Временного правительства (Директория). В 1918 г., не найдя общих позиций с А. В. Колчаком (военный министр Директории, объявивший себя верховным правителем России), он вынужден был покинуть Россию; в январе 1919 г. оказался в Европе: Париж, Прага, Берлин, снова Париж (1919–1939). Принимал активное участие в русскоязычных изданиях. В 1940 г. переехал в Нью-Йорк, где продолжил политическую и журналистскую деятельность [13; 14; 15].

В Русском Устье (в Осколково на Русской протоке) В. М. Зензинов летом 1912 г. записал былинку на сюжет «Михаил Данилович – малолетний богатырь (Данила Игнатьевич и его сын Михайло)» [16, с. 221–224, № 12].

Третьим собирателем былин в Русском Устье оказался Дмитрий Дмитриевич Травин (1889–1942) – выпускник этнографического отделения географического факультета Петроградского (Ленинградского) университета. Д. Д. Травин родился в семье учителя. Сначала он учился в Институте гражданских инженеров (но окончил всего 3 курса), а потом перешел на этнографическое отделение географического факультета (1921–1926, с перерывами). На этнографическом отделении, руководителями которого были бывшие политические ссыльные (народники) Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз-Тан, в 1920-е гг. практиковались длительные этнографические экспедиции студентов в самые отдаленные уголки России. В 1926 г., будучи студентом, Д. Д. Травин работал на р. Печоре, где получил богатый опыт в области этнографии; результаты отразились в статьях молодого ученого.

В 1925 г. правительством СССР было принято решение об осуществлении большой экспедиции АН СССР в Якутию. Главной целью было изучение естественно-производительных сил края. Среди задач было и исследование жизни этносов Сибири. С 1927 по 1929 г. в Якутии работал этнографический отряд под руководством Д. Д. Травина. Исследователь, среди прочих поселений, побывал и в Русском Устье. Коллекция собранных вещевых материалов (лук, колчан, стрелы, веретена с кружалами, детские игрушки и даже шахматные фигурки и пр.) в настоящее время находится в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН [17; 18].

В 1928 г. в Русском Устье Д. Д. Травин записал былинные сюжеты «Добрыня и Змей», «Михаил Данилович – малолетний богатырь», «Суровец». Записи до 1986 г. хранились неопубликованными в Архиве Академии наук; впервые изданы в упомянутом сборнике «Фольклор Русского Устья» [7, с. 218–219, 231–233, 237–238, № 94, 104, 108].

Следующим собирателем былин на Индигирке стал якутский краевед Модест Алексеевич Кротов (1899–1966). Сын местного чиновника Якутского областного управления, он получил среднее образование в реальном училище; с 1921 г. служил в Якутском архиве, где занимался делами бывшего Якутского областного управления и местного полицейского управления. В 1921–1924 гг. служил в армии. Затем занимал должность редактора газеты «Автономная Якутия» (1924–1927). Печатался в якутских периодических изданиях (многочисленные статьи по истории политической ссылки в Якутии). В 1925 г. М. А. Кротов издал книгу «Якутская ссылка 70–80-х годов. Исторический очерк по неизданным архивным материалам» (Москва, 1925). Заведовал отделом в Центральном архиве Якутской АССР (1927–1931); член Якутского отдела

Русского географического общества. Впоследствии работал в Совете Министров и Госплане республики (1932–1960) [19; 20]. В 1950–1960-е гг. вышел ряд его книг и фотоальбомов об Якутии.

В 1931–1932 гг. М. А. Кротов возглавлял обследование реки Индигирки. Результаты отразились в его статье «На далеком северо-востоке Азии: Индигирская экспедиция 1930–1932», опубликованной в журнале «Будущая Сибирь» (Иркутск, 1932. Кн.3) и в книге «В просторах Индигирки» (Якутск, 1934). М. А. Кротов писал о Русском Устье: «На этой территории расселилось около 80 хозяйств, 300 человек. Все, без исключения, русские» [21, с. 47]. В августе 1931 г. в местечке Харгытыр (расположен ниже Ожогина; в Ожогино в 1931 г. было всего две семьи – одна русская и одна якутская [21, с. 41]) он записал былинку на сюжет «Наезд литовцев» от сказителя Николая Струкова, который проживал в момент записи в с. Ожогино, расположенном на Индигирке выше ее деления на протоки в районе озера Ожогино. Родом сказитель был с Русского Устья. Текст долгое время хранился в Архиве Якутского филиала АН СССР, пока не был опубликован в сборнике «Фольклор Русского Устья» [7, с. 240–241, № 111].

Самое большое количество былин в Русском Устье было записано в 1946 г., когда на Индигирку была организована этнографо-лингвистическая экспедиция Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Одним из ее участников стал Николай Алексеевич Габышев (1922–1991) – якутский прозаик, драматург и переводчик. Н. А. Габышев родился в Дюллюкюнском наслеге Верхневилуйского округа. В 1941 г. он окончил двухгодичный Якутский учительский институт; с 1941 по 1946 г. работал в Чокурдахской средней школе Аллаховского района. Впоследствии с 1947 по 1961 г. Н. А. Габышев являлся редактором Якутского книжного издательства. Ему принадлежат повести, пьесы и другие произведения, написанные на якутском языке.

Записи Н. А. Габышева хранятся в архиве Якутского филиала РАН; впервые они были опубликованы в сборнике «Фольклор Русского Устья». Следует сказать, что Н. А. Габышев работал не только в пос. Полярный (центр региона Русское Устье), но и в других селениях на протоках Индигирки.

В пос. Полярный, куда, повторим еще раз, съехались жители разных селений региона Русское Устье, был записан сюжет «Михаил Данилович – малолетний богатырь» [7, с. 235–236, № 106]. В селении Косухино, расположенном на Русской протоке: «Добрыня и Змей» [7, с. 219–220, № 95], «Алеша Попович и Тугарин» [7, с. 225–227, № 100], «Наезд литовцев» [7, с. 239–240, № 110], «Илья Муромец и Идолище» [7, с. 229, № 102], «Михаил Данилович – малолетний богатырь» [7, с. 233–235, № 105], «Суровец» [7, с. 236–237, № 107]. В селении Кузьмичево Н. А. Габышевым на Русской протоке были сделаны записи былин на сюжеты «Добрыня и Змей» [7, с. 220–222, 222–223, № 96, 97], «Алеша Попович и Тугарин» [7, с. 227–229, № 101] и «Садко» [7, с. 242–243, № 113] (в сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» [22, с. 398] для «Садко» указано Федоровское).

Из селений, находящихся на Средней протоке, в поле зрения фольклористов попало Якутское Жило. Н. А. Габышев здесь записал сюжет «Дюк Степанович» [7, с. 241–242, № 112] (укажем, что С. Н. Азбелев в «Фольклоре Русское Устье» для этой записи указывает Полярный, а Ю. И. Смирнов в «Русской эпической поэзии Сибири и Дальнего Востока» – Русское Жило).

В Якутском Жило фольклорными записями в 1946 г. занимался Н. М. Алексеев [23], другой участник экспедиции на Индигирку. Здесь он записал начало былины «Добрыня и Змей» [7, с. 223, № 98] и «Садко» [7, с. 243–244, № 114].

В 1982 г. в Русском Устье побывал известный московский фольклорист Юрий Иванович Смирнов (1935–2015), которому удалось зафиксировать несколько полуразрушенных былин. В Полярном им были записаны два варианта былины «Михаил Данилович – малолетний богатырь» [22, с. 133–135, 142, № 51, 55], а в Федоровском на Русской протоке собиратель зафиксировал сюжет «Добрыня и Змей» [22, с. 80–81, № 18].

Через три года, в 1985 г., в Русском Устье работала этномузыковед Татьяна Сергеевна Шенталинская, которая в Полярном записала (и впоследствии нотировала) припоминание былины «Суровец» [22, с. 153–154, № 62а].

Укажем, что записи песенно-эпического фольклора в регионе Русское Устье были сделаны от представителей коренных фамилий. Среди сказителей имеются Чихачевы, Щелкановы, Голыжинские, Киселевы, Рожины, Шкулевы, Черемкины, Струковы.

Такова история записи былин в Русском Устье. В сохранении для фольклористики песенно-эпического наследия внесли свой вклад собиратели с самой разной судьбой. Что довольно характерно для Сибири, к записи былин приобщились политические ссыльные (И. А. Худяков и В. М. Зензинов). Местные краеведы также оказались причастными к фольклорно-собирательской работе (М. А. Кротов), причем именно краеведу, якуту по национальности (впоследствии писателю) Н. А. Габышеву принадлежит заслуга в записи самого большого количества былин. Профессиональные этнографы в Русском Устье оказались в 1928 г. (Д. Д. Травин), когда еще там можно было записать немало образцов эпических песен, но результаты работы Д. Д. Травина были много более скромными, чем Н. А. Габышева, работавшего в Русском Устье в 1946 г. В 1980-е гг., когда в этом регионе записью фольклора занимались Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская, эпическая традиция находилась уже в последней стадии затухания.

Характеристика былин Русского Устья

Сведем представленные сведения в таблицу (см. табл. 1), расположив материал по сюжетам; публикацию текстов укажем по авторитетным изданиям «Фольклор Русского Устья» (ФРУ) и «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» (РЭПС).

Таблица 1 – Былинный репертуар Русского Устья

№	Сюжет	Год записи	Место записи и сказитель	Собиратель	Публикация по ФРУ и РЭПС
1	Добрыня и Змей	1928	Русское Устье	Д. Д. Травин	ФРУ, № 94 РЭПС, № 13
2	Добрыня и Змей	1946	Косухино	Н. А. Габышев	ФРУ, № 95 РЭПС, № 15
3	Добрыня и Змей	1946	Кузьмичево	Н. А. Габышев	ФРУ, № 96 РЭПС, № 14
4	Добрыня и Змей	1946	Кузьмичево	Н. А. Габышев	ФРУ, № 97 РЭПС, № 17
5	Добрыня и Змей	1946	Якутское Жило	Н. М. Алексеев	ФРУ, № 98 РЭПС, № 16
6	Добрыня и Змей	1982	Федоровское	Ю. И. Смирнов	РЭПС, № 18
7	Алеша Попович и Тугарин	1867 – 1869	г. Верхоянск, от выходца из Русского Устья	И. А. Худяков	ФРУ, № 99
8	Алеша Попович и Тугарин	1946	Косухино	Н. А. Габышев	ФРУ, № 100 РЭПС, № 23
9	Алеша Попович и Тугарин	1946	Кузьмичево	Н. А. Габышев	ФРУ, № 101 РЭПС, № 24
10	Илья Муромец и Идолище	1946	Косухино	Н. А. Габышев	ФРУ, № 102 РЭПС, № 44
11	Михаил Данилович – малолетний богатырь	1912	Осколково	В. М. Зензинов	ФРУ, № 103 РЭПС, № 50
12	Михаил Данилович – малолетний богатырь	1928	Русское Устье	Д. Д. Травин	ФРУ, № 104 РЭПС, № 52

13	Михаил Данилович – малолетний богатырь	1946	Полярный	Н. А. Габышев	ФРУ, № 106 РЭПС, № 53
14	Михаил Данилович – малолетний богатырь	1946	Косухино	Н. А. Габышев	ФРУ, № 105 РЭПС, № 54
15	Михаил Данилович – малолетний богатырь	1982	Полярный	Ю. И. Смирнов	РЭПС, № 51
16	Михаил Данилович – малолетний богатырь	1982	Полярный	Ю. И. Смирнов	РЭПС, № 55
17	Суровец	1928	Русское Устье	Д. Д. Травин	ФРУ, № 108 РЭПС, № 61
18	Суровец	1946	Косухино	Н. А. Габышев	ФРУ, № 107 РЭПС, № 62
19	Суровец	1985	Полярный	Т. С. Шенталинская	РЭПС, № 62а
20	Наезд литовцев	1867–1869	г. Верхоянск, от выходца из Русского Устья	И. А. Худяков	ФРУ, № 109
21	Наезд литовцев	1931	Харгытыр От сказителя родом из Русского Устья	М. А. Кротов	ФРУ, № 111 РЭПС, № 36
22	Наезд литовцев	1946	Косухино	Н. А. Габышев	ФРУ, № 110 РЭПС, № 37
23	Дюк Степанович	1946	Якутское Жило	Н. А. Габышев	ФРУ, № 112 РЭПС, № 31
24	Садко	1946	Кузьмичево или Федоровское	Н. А. Габышев	ФРУ, № 113 РЭПС, № 86
25	Садко	1946	Якутское Жило	Н. М. Алексеев	ФРУ, № 114 РЭПС, № 87

Попытаемся системно описать былинный репертуар Русского Устья.

«*Илья Муромец и Идолище*». Представленный репертуарный список былин свидетельствует, что Илья Муромец, главный богатырь русского эпоса, в данном регионе отнюдь не является популярным героем (по крайней мере на период XIX–XX вв.). В Русском Устье записан единственный текст об Илье, причем в очень кратком виде (24 стиха). Начало былины (Илья похаживает по кораблю, в пуговках его одежды имеются «по индрок и по лютому льву», которые «раскричелиша» и «озверелиша»), что заставляет предположить: на Индигирке когда-то бытовала былина «Илья Муромец на Соколе-корабле». Истоки этого сюжета, напомним, имеются все основания вести из Великого Устюга, сыгравшего большую роль в освоении Сибири [24]. Далее, согласно русскоустынской былине, Илья сходит на берег, встречается с каликой, меняется с ним платьем; затем герой идет к Идолищу поганому, происходит традиционный разговор о том, сколько он съедает хлеба, и богатырь «сымает у Идолища по плеч голову».

Укажем, что былина «Илья Муромец и Идолище» зафиксирована и на Колыме [22, с. 103–104, № 29], где записан также сюжет «Илья Муромец на Соколе-корабле» [22, с. 121, № 45]. См. также анадырский вариант [22, с. 121–122, № 46]. Колымскую и анадырскую былинные традиции, по нашему мнению, надо рассматривать как дочерние от русскоустынской. В данной статье мы только указываем на схождения в былинном репертуаре Русского Устья, Колымы и Анадыря. Детальное сопоставление былинных сюжетов может стать предметом специального исследования.

Обратим внимание на то, что русскоустынская былина потеряла все киевские приметы. Здесь не говорится, что Илья Муромец, узнав, что Идолище захватил город, идет в Киев к князю

Владимиру. Отсутствие киевских маркеров будет характерно и для других текстов рассматриваемого региона.

В Русском Устье зафиксированы также сказки об Илье Муромце, пространство которых обозначено сказочной формулой «в некотором царстве, в некотором государстве». В тексте «Фольклора Русского Устья» [7, с. 204–207, № 56] герой является крестьянским сыном (как и в былинах) и получает имя Ильи Муромца. Здесь реализуются сюжеты «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Идолище», «Илья Муромец, Святогор и гроб» и «Бой Ильи с сыном». Данный текст содержит сугубо сказочный эпизод встречи Ильи Муромца в чистом поле в шатре с двумя богатырями, которые взяли замуж дочерей Соловья-разбойника. Сам Илья женится на царской дочери, на которую претендует Идолище.

Во второй сказке [7, с. 104–107, № 20] герой именуется Ильюшенка (без прозвища Муромец), причем он является царским сыном. В этом тексте реализуются сюжеты «Исцеление Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Святогор и тяга земная», «Илья Муромец, Святогор и гроб» и «Илья Муромец и Идолище» (см. также [22, с. 296–299, № 170]).

Очевидно, что данные сказочные тексты не имеют никаких связей с устной былинной традицией, а являются пересказом какой-то лубочной книжки. Нет никаких оснований полагать, что в Русском Устье некогда в былинной форме существовали названные сюжеты.

«Добрыня и Змей». Главная былина о Добрыне Никитиче, в отличие от былин об Илье Муромце, в Русском Устье записана в шести вариантах. Мы можем и в связи с этим сюжетом указать на потерю всяческих связей с киевским миром. В классических севернорусских былинах, как известно, Добрыня освобождает от Змея русский полон и племянницу князя Владимира Забаву Путятичну, которую привозит в Киев. При этом тема возможных брачных отношений между героями в классической версии отсутствует. Идейное содержание быliny заключается в свершении подвига государственного значения (выручил русский полон), не требующего брачной награды.

В Русском Устье в былине, напротив, явно звучит тема брачных отношений героя и спасенной полонянки. В тексте [7, с. 218–219, № 94] героиня говорит: «Ждрасвуй, Добрыня Микитич блад, / Еще сам ты есь будь мой суженой» [7, с. 219, № 94, ст. 71–72; см. также: 7, с. 219–220, № 95]. В былине [22, с. 80–81, № 18] не героиня, а сам Добрыня заявляет о своем желании жениться на освобожденной девушке.

В одном из текстов спасенная полонянка оказывается не возможной суженой богатыря, а его родной тетушкой [7, с. 220–222, № 96]. Ср. с былиной из сборника Кириши Данилова, где Добрыня освобождает свою тетушку Марью Дивовну, сестру князя Владимира [25, с. 182–185, № 48].

В связи с важным брачным акцентом встает вопрос: является эта версия сюжета древней, пришедшей в Русское Устье из европейской части Руси и законсервировавшейся здесь, или её надо рассматривать как местную новацию архаичного змееборческого сюжета? В сказках (жанре более архаичном, чем былины), напомним, змееборческий подвиг всегда награждается свадьбой героя и царевны, что позволяет, кажется, полагать, что и в былинах некогда брачная тема была ведущей. Тогда Русское Устье сохранило для нас древнюю версию рассматриваемого сюжета. Однако возможна и другая логика трактовки быliny. Потеря киевских примет в местной традиции принципиально понижает государственный заряд, что ведет к вторичной архаизации сюжета – высветлению древних архетипов.

В целом русскоустыинская былина сохраняет именной ряд, наличествующий в старинах европейского Русского Севера: отец богатыря Микита, его мать вдова Амелфа Тимофеевна (Омельфа Тимофеевна, Мельха Тимофеевна), Почай-река (Опочай, Почан). Противник богатыря назван Змеем огненным [7, с. 220–222, № 96], Змеищем (Жмеищем) Лиходеющем [7, с. 218–219, 219–220, № 94, 95; 22, с. 80–81, № 18] или Жмеядищем Лихорадищем [7, с. 222–223, № 97].

Однако мы можем найти и местные новации. В двух текстах [7, с. 222–223, № 97; 22, с. 80–81, № 18] герой именуется не Добрыней, а Михайлушкой. Без сомнения, здесь мы имеем дело с прямым влиянием на сюжет о Добрыне-змееборце популярного в Русском Устье сюжета «Михаил Данилович – малолетний богатырь». В тексте [22, с. 80–81, № 18] на богатыря (Добрыню) переносится и такая черта, как его малолетство («мало было лет, двенадцать лет»).

Любопытную картину дает именование героини в разных текстах. Классическое имя Забава Путятична Русское Устье не знает. Полонянка называется Марья Изяславна / Изославна [7, с. 218–219, 219–220, № 94, 95], Марья Елизастовна [7, с. 220–222, № 96], Марфа Изеславна [22, с. 80–81, № 18]. С. Н. Азбелев полагает, что за именем Марфа Изеславна можно прочесть упоминаемое в летописях имя Малфрид – то ли матери князя Владимира Святославича, то ли одной из его жен [26, с. 25–26]. В любом случае отчество героини (Изяславна) прочно увязывает русскоустыинские былины с ономастиком Древней Руси. Данный факт заставляет задаться вопросом: надо ли имя Марфа (Марья) Изяславна рассматривать как имя, принесенное в Русское Устье из европейской Руси, или же оно появилось в былинной традиции уже в данном регионе? Именные указатели томов Свода русского фольклора (регионы рек Печора, Мезень, Кулой, Пинега, Зимний берег Белого моря, Пудожье) подобного рода отчества не регистрируют. Как мы покажем далее в связи с другими сюжетами, в Русском Устье в устном эпосе прочитывается явственное влияние древнерусской рукописной традиции. Очевидно, что на Индигирку была принесена не только фольклорная традиция, но и рукописная книга. Не исключаем, что в этот регион попал какой-то список летописи, из которой русскоустыинцы могли позаимствовать имя Изяслав (Изяславна).

Обратим внимание на текст [7, с. 223, № 98] – начальный отрывок в 7 стихов. Этот фрагмент можно толковать и как начало сюжета «Добрыня и Змей», и согласно комментариям С. Н. Азбелева, как начало сюжета «Бой Добрыни с Ильей Муромцем», не зафиксированного в Русском Устье. Этот текст интересен тем, что здесь родным городом Добрыни, как и в европейских текстах, называется Рязань: «Давно же в Рязани, городом славе, / Еще нынче-то в Рязани селом стоит» [7, с. 223, № 98, ст. 1–2]. Ср. с исправным вариантом этого топоса, популярным на европейском Русском Севере: «А ишше прежде Резань да слободой слыла, / А да и ноньче Резань да словет городом» [27, с. 137, № 10, ст. 1–2]. Рязань, напомним, является родиной Добрыни в классических версиях былин [28]. Однако в Русском Устье Рязань зарегистрирована единожды; в остальных былинах называется Новотор-земля («Жил Микита в Новотор-жемле» [7, с. 218, № 94, ст. 2] (см. также: [7, с. 218–219, 223, № 94, 98]), что возможно, является искаженным Новгородом или, скорее всего, топонимотворчеством русскоустыинцев.

Укажем, что сюжет «Добрыня и Змей» зафиксирован на Колыме [22, с. 81–83, № 19].

«**Алеша Попович и Тугарин**». Былинная традиция Русского Устья сохранила редкий на европейской территории сюжет «Алеша Попович и Тугарин», записанный здесь в трех вариантах. Эта былина, пожалуй, сохраняет наиболее прочные связи с киевским миром. Имя стольного Киева здесь отсутствует, однако во всех трех вариантах действие происходит у князя Солнышка Владимира.

Русскоустыинская былина в целом сохраняет все узловые моменты классической версии сюжета. Алеша Попович и его слуга Екимша (Ефимша) на камушке (могилочке) видят надпись и выбирают, куда им ехать. Дороги на Тугарин (в данном случае – локус) и на Вуядин или на Украину-реку (все три топонима являются местным топонимотворчеством) ими отвергаются: там девки «заманчивые», про молодцев пойдет славушка недобрая; герои выбирают путь к Солнышку Владимиру. У князя Владимира они видят Тугарина. Наблюдая, сколько тот пьет вина и ест, Алеша вспоминает жадных собачищу и корову своего батюшки Леонтия попа Ростовского. Затем следует выезд Алеши и Тугарина в чисто поле; по молитве Алеши туча грозная намочила «гумажны крылья» Тугарина; богатырь убивает противника и отрубает у него голову.

В русскоустынской версии «Алеши Поповича и Тугарина» сугубо отрицательную характеристику получают Владимир и его жена Апраксия. Тугарина, внесенного в палаты князя, с позволения хозяина сажают на кровать Владимировой жены: «Еще ноги-то положил на колени ей, / Еще голову-то ей на грудь положил» [7, с. 223, № 99, ст. 37–38]. После поединка с Тугарином Алеша Попович на копье сажает голову противника. Княгиня поначалу думает, что это Тугарин везет голову богатыря, и с удовлетворением замечает:

Еще знать-то Тугарина по поездочке да по походочке,
А Тугарин-то едет, Олёшину-то голову
На востром копье везет [7, с. 225, № 99, ст. 127–129].

Былина кончается словами, в которых Алеша Попович высказывает моральный приговор князю и княгине:

Как был бы ты да не мой бы дядюка,
Я бы назвал тебя я бы прямо сводником.
Как бы не тетушка была бы, назвал курвой, б...ю! [7, с. 225, № 99, ст. 143–145].

В русскоустынской былине, таким образом, указывается на родственную связь Алеши Поповича и князя Владимира («дядюка»), что скорее всего, является архаической чертой этой версии сюжета. Выразительно описаны змеиные черты в Тугарине («Круг Тугарина змеи огненные, / Змеи огненные да оплетаются» [7, с. 224, № 99, ст. 92–93], что также надо рассматривать как признак архаики.

Былины сохранили важные для русского эпоса топонимы: батюшка героя – Леонтий поп Ростовский (от Ростова); поединок противников происходит на поле Куликовом, которое в былинах всегда является местом драматических событий.

Укажем, что сюжет «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» зафиксирован также на Колыме и Анадыре [22, с. 92–94, 94–97, № 25, 26]. Интересно и то, что в Русском Устье зарегистрирована баллада «Федор Колыщатой и Софья Волховна» [7, с. 251–252, № 132; 22, с. 219–223, № 108–110а], известная и на Колыме [22, с. 223–224, № 111]. Коллизия её близка былине «Алеша Попович и сестра братьев Бродовичей», причем развязка дана в трагическом ключе: погибает и Федор Колыщатой, и героиня «подкололась» на ножички булатные.

«Михаил Данилович – малолетний богатырь». В Русском Устье популярным сюжетом является былина «Михаил Данилович – малолетний богатырь», записанная в четырех полноценных и двух разрушенных вариантах. Местная традиция предлагает очень устойчивую версию, не зафиксированную в европейской России. Здесь наличествует именной ряд, неизвестный старинам Русского Севера. Пространство Руси в Русском Устье заменено Иерусалимским царством. Тит угрожает Иерусалимскому царству («Иерусалимского я царства выжгу, выпьяню» [7, с. 229, № 103, ст. 5] (в классической версии имя Тит неизвестно); на пиру царя (князя) Тимофея (в классической версии это киевский князь Владимир; отчество Тимофеевич / Тимофеевна популярны на европейском Русском Севере: отец Ильи Муромца – Иван Тимофеевич; Омельфа Тимофеевна – мать Добрыни Никитича или Дюка Степановича и т. д.) все гости хоронятся друг за друга, только Данилушко Игнатьевич, заявив о своей старости, говорит, что если бы его сын Михайлушко был не двенадцати лет, а шестнадцати, он бы выступил против Тита и постоял бы за веру христианскую; тем не менее царь (князь) Иерусалимский посылает за Михайлушкой; тот воспринимает поручение со слезами и упрекает отца в том, что тот похвастал им во хмелю (в классической версии Михайлушка сам вызывается сразиться с противником, хотя его и отговаривают, мотивируя это его молодостью); явившись к царю, Михайлушко выпивает чару полтора ведра (проявление богатырства); Данила Игнатьевич, давая сыну коня и острую саблю, наставляет его рубиться шесть суток, а затем поворачивать назад; герой сражается более шести суток, оказывается раненым, приезжает к отцу; Данила Игнатьевич кладет Михайлушку под святые образа и зажигает свечу («Оживешь, мое дитятко, свеча горит – / Умрешь, мое дитятко, так свеча сгорит» [7, с. 232, № 104, ст. 80–81] (в классической версии Данила Игнатьевич

отправляется в чисто поле на место сражения и там находит своего сына); Данила Игнатьевич в чистом поле пленяет самого Тита, привозит его к князю Тимофею; затем он приезжает домой и находит Михаила Даниловича умершим; Данила кидается на кирпичный мост (пол) и убивается до смерти («Его косточки, суставчики не спозналися» [7, с. 235, № 105, ст. 107] (в классической версии этот мотив отсутствует). Таким образом, героями в этой версии являются и Михаил Данилович, и Данила Игнатьевич. Эта былина оказалась среди былин-долгожителей этого региона: последние разрушенные записи сделаны Ю. И. Смирновым в 1982 г. [22, с. 133–135, 142, № 51, 55].

В. Ф. Миллеру данная версия была известна по варианту, записанному на Колыме [22, с. 142–145, № 56]. Фольклорист, по-видимому, справедливо полагал, что она древнее той версии, которая бытовала на европейском Русском Севере [29, с. 425–426]. К этой же точке зрения присоединяется и С. Н. Азбелев [26, с. 28]. Укажем, однако, что на Колыме, при использовании имени Тита Фарафонтьевича [22, с. 142–145, 145–146, 146–148, 148–149, № 56–59], действие происходит в Киеве у князя Владимира [22, с. 142–145, 146–148, 148–149, № 56, 58, 59] или просто на Руси [22, с. 145–146, № 57], отсутствует мотив слез героя по поводу пьяной похвалы бы отца (Михайла Данилович сам с охотой направляется на сражение). Эти детали позволяют считать, что колымская версия былины более близка к начальной редакции, что была занесена из европейской России в Сибирь.

Весьма любопытным является закрепление в былинной традиции Русского Устья имени Тит. Можно с уверенностью утверждать, что это имя попало в былины из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия – памятника античной литературы (75–79 гг. н. э.), весьма популярного на Руси в переводе XI–начала XII вв. [30; 31]. Во время Иудейской войны (67–73 гг. н. э.) во главе римской армии стоял Веспасиан Флавий, избранный в 69 г. своими сторонниками (прежде всего – римскими воинами) императором. Веспасиан оставил своего сына Тита в Иудее; вскоре тот и захватил в 70 г. Иерусалим и разрушил там главный храм. Иосиф был иудейским военачальником, попал в плен; впоследствии он жил в Риме, взяв родовое имя своего победителя – Флавий. В «Истории Иудейской войны» он одинаково подробно описал действия иудеев и римлян. Весьма свободный древнерусский перевод, в котором появилась тема христианства, отсутствующая у Иосифа Флавия, имел широкое хождение в разных формах на Руси. Один из списков, по-видимому, был принесен в Русское Устье и оказал влияние на устную былинную традицию, позаимствовавшую и имя Тит, и топоним Иерусалимское царство.

Следует отметить, что былинное Иерусалимское царство воспринималось русскоустыинцами как христианское царство. Весьма примечательно, что Тит угрожает в Иерусалимском царстве прежде всего церквям и монастырям: «Его Божьи церкви на дым пущу, / Его вдовьи монастыри, девьи монастыри на глубь спущу» [7, с. 229, № 103, ст. 7–8]. Без сомнения, здесь свою роль сыграло и то, что Гроб Господень находится в Иерусалиме, и то, что в 1099–1291 гг. после Первого крестового похода было образовано христианское Иерусалимское королевство (государство крестоносцев).

Былина «Михаил Данилович – малолетний богатырь», заметим, весьма популярна и на Колыме [22, с. 142–145, 145–146, 146–148, 148–149, № 56–59], где она сохранила многие киевские приметы.

«*Наезд литовцев*». Сюжет «Наезд литовцев (братья Ливики)» относится к поздним былинам; сложен скорее всего на исходе формирования былинного репертуара в XIV в. Во многих вариантах местом действия оказывается Москва: братья Ливики угрожают Москве, а не традиционному Киеву; угроза же исходит не от татар (с востока), а от Литвы (с запада).

Русскоустыинские былины (три варианта) нам опять предлагают особую версию былины. С одной стороны, в местной традиции вроде бы сохраняется литовский след: в тексте [7, с. 239–240, № 110] сохраняется имя короля Ячмана Ячмановича (традиционно Этмануйло Этмануйлович / Етмануйло Етмануйлович в сборнике Кирши Данилова [25, с. 54–62, 71–77, 106–110,

№ 11, 15, 21] от нарицательного существительного «гетман») [32, с. 23], племянники которого хотят идти походом на царя Елизара, играющего роль «своего» для былинного мира. Однако племянники потеряли все черты литовцев (имя брата Ливики в местной традиции отсутствует). Пространство в Русском Устье [22, с. 111–112, 112–114, № 36, 37] обозначено явно вымышленными топонимами Граждан-город или Беренц-город, который хотят захватить племянники. Ю. И. Смирнов в комментариях [22, с. 383] трактует Беренц как Брянск. Все узловые эпизоды в былинах сохраняются: Ячман Ячманович пытается отговорить племянников от военного похода, предупреждая их, что Елизар хитер-мудер; они все-таки отправляются в царство Елизара, берут его города, пленяют Марью Елизаровну с сыном Михайлушкой; Елизар оборачивается серым волком (жилы у вражеских коней подрезал) и белым горнаком (горностаем) (испортил кремни у ружей); у одного королевского племянника ломает ноги, у другого глаза «выкопал», сажает слепого на хромого и отправляет Ячману-королю.

Обращает на себя внимание имя «своего» героя – царя Елизара и его сестры Марьи Елизаровны. Это имя в вышедших томах Свода русского фольклора не зафиксировано. Мы рискуем предположить, что здесь опять сказалось влияние «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, где встречается несколько персонажей по имени Эльазар. Один из Эльазаров склонил иудеев не принимать в Храме жертвоприношения в честь римского императора, что и послужило основанием войне с Римом. Другой Эльазар, иудей, при осаде римлянами города Йодфата, с городской стены сбросил огромный камень и отломил голову «барана» (римского тарана). Третий Эльазар из крепости Махор попал в руки римлян, которые истязали его на глазах у иудеев и хотели распять на кресте. Чтобы спасти Эльазара, жители сдали город.

Никто из Эльазаров «Истории Иудейской войны» типологически не совпадает с былинным царем Елизаром. Однако имя Эльазар, по-видимому, понравилось русскоустыинцам, которые и ввели его в свои былины.

«**Суровец**». Былина о Суровце принадлежит к редким сюжетам русского эпоса. В Русском Устье записан один полноценный вариант сюжета, второй не полный и одно припоминание: Сурович Иванович сразу же после рождения просит мать пеленать его не в пеленочку камчатую, а дать ему палицу в девяносто пуд; отправляется в чисто поле стрелять гусей-лебедей; хочет подстрелить ворона, который сообщает богатырю о Пурге-царе; Суровец вступает в битву с силой (войском) царя и пленяет Пургу-царя.

Эта былина, в отличие от других эпических произведений Русского Устья, сохраняет важные приметы киевского мира: здесь, в единственном сюжете, наличествует топоним Русь («Еще на Руши родился силен богатырь – / Славный Сурович Иванович» [7, с. 236, № 107, ст. 4–5]); обозначена этническая характеристика врагов – татары. Во время боя Суровец, традиционно для русского эпоса, хватает одного татарина и использует его, как дубинку: «Как перед татаром махнет – часты улицы метет, / Как назад махнет – переулицы метет» [7, с. 236, № 107, ст. 49–50].

В былине о Суровце сохраняется топоним Смородина-река, на которой стоит Пурга-царь. Смородина, весьма популярная в русском эпосе, сохраняя мифологические подтексты, всегда предстает как опасный локус.

В очередной раз обращает на себя внимание ономастикон былины. Пурга-царь – это, по всей видимости, искажение имени Кургана-царя, встречающегося в былинах. Герой именуется «Славной Сурович Иванович, / Яруславной Воль Яруславсович» [7, с. 236, № 107, ст. 5–6] или «По имени Сурович Иванович, / По прозванью Олег Ярославцевич» [7, с. 237, № 108, ст. 14–15]. Это имя уникально в русском эпосе. С. Н. Азбелев, вероятно, не без оснований, считает, что Яруславной Воль Яруславсович – это искаженное Вольх Всеславьевич (имя героя редкой былины о богатыре, совершившем поход в Индию богатую). Основание к такой трактовке дает описание быстрого роста богатыря, отказывающегося от пеленок и требующего сразу после рождения палицу (так же характеризуется и Волх). Появление в прозвании Суровца отчества Ярославович и даже Олег Ярославцевич заставляет, как и в случае с «Добрыней и Змеем»,

заподозрить некое знакомство русскоустынцев с рукописным источником (летописью?), в котором называются имена древнерусских князей.

Имя матери героя – «Аринушка-Маринушка, его матушка, волшебница була» [7, с. 237, № 107, ст. 57] – возможно, является отголоском киевской колдуньи Маринки, с которой сталкивается Добрыня Никитич (сюжет «Добрыня и Маринка»). Укажем, кстати, что в Русском Устье зафиксирован неполный балладный текст [7, с. 254, № 137; 22, с. 225, № 115], в котором сочетаются мотивы баллады о сестре-отравительнице и былины о Добрыне и Маринке: красна девица угрожает отравительнице Маринке-безбожнице обернуть её «сукой гончевою». Былина «Добрыня и Маринка» русскоустынцам неизвестна, но записана на Колыме и Анадыре [22, с. 266–267, 268, № 149, 150].

«Дюк Степанович». Единственный русскоустынский вариант популярной былины «Дюк Степанович» представлен только начальным эпизодом этого сюжета: боярский сын Дюк Степанович выезжает из города Хвалынского (отголосок моря Хвалынского, т. е. Каспийского); у него имеются дорогие стрелы, в которых сажены драгоценные камни и орлиные перья («По камешку по латару, по яхонту / Пероныма перышками орлиныма» [7, с. 242, № 112, ст. 18–19]); перья, которые роняет орел, так дороги, что гости-корабельщики собирают перышки и вывозят в каменну Москву. Укажем, что это единственное упоминание Москвы на Русском Устье. Русскоустынский вариант, по-видимому, относится к той же версии, что и тексты с Колымы [22, с. 106–109, № 32] и Анадыря [22, с. 109, 109–110, № 33, 34].

«Садко». В русскоустынских былинах развернут только один эпизод из сюжета о Садко: плавание Садко, купца богатого, по морю и неплатеж им дани-пошлины Морскому царю; остановка корабля среди моря; троекратное метание жеребья (из красного золота, чиста серебра и кипарис дерева) – кому идти к Морскому царю; отправка Садко (в хрустальной бочке) в сине море; явление ему в сне-сновидении сорока невест; выбор им не девицы-красавицы, а девицы-чернавицы. В текстах нет начальной картины спора Садко с Новгородом о богатстве; отсутствует сцена разрешения героем спора между Морским царем и его женой о ценности золота и железа; не рисуется игра героя на гуслях, пляска Морского царя, в результате чего море разбушевалось, корабли стали тонуть, и только вмешательство Святого Николая, указавшего, чтобы Садко порвал струночки на гуслях, прекратило бурю. Конечная сцена выбора Садко невесты в русскоустынских текстах представлена сжато, в результате чего остается непонятным, что только правильный выбор (девушка-чернавица) гарантирует герою возвращение в наш мир.

Как следует из изложения, русскоустынская былина потеряла очень важный персонаж этого сюжета – Святого Николая. Отсутствуют здесь и топонимы, занимающие важное место в текстах европейского Русского Севера (Новгород, Ильмень-озеро). В одном из вариантов сделана попытка обозначить морское пространство через гидроним Холбинское море [7, с. 243, № 114, ст. 3, 25, 34, 36], что, вероятно, является отголоском Хвалынского моря, имеющегося во многих сюжетах Русского Севера.

Интересной деталью исполнения «Садко» в Русском Устье является магическая функция былины. А. Г. Чикачев свидетельствует, что русскоустынцы во время длительных ветров пели былинку о Садко, при этом время от времени восклицая: «Садко, гость богатый, погоду укроти!» [2, с. 133]. В комментариях к сборнику «Фольклор Русского Устья» приведено еще одно свидетельство А. Г. Чикачева, связанное с представлениями о магической функции былины: «... считалось, что в погожий день исполнение былины о Садко вызывает пургу и метель, а если петь ее во время пурги, то она обязательно должна стихнуть» [7, с. 320].

Укажем, что Садко известен также колымской былинной традиции [22, с. 193–195, № 85].

Заключение

Русскоустынская былинная традиция являет нам любопытный региональный извод. Былины, как известно, в русской народной поэзии реализуют важнейшую функцию исторической

памяти, связывая носителей песенного эпоса XIX в. с Древней Русью. Этот жанр на протяжении тысячелетия сохранил в культуре сказителей Русского Севера и память о стольном городе Киеве, и знание о Чернигове, Муроме, Рязани, Галиче Волынском, Новгороде и далеких реках Днепре и Волхове, и имя киевского князя Владимира.

Однако на Русском Устье, в котором без сомнения, функция исторической памяти и национального самосознания при сохранении былин, как и везде, была главной, по каким-то причинам киевские маркеры оказались стертыми и практически почти полностью исчезли. Поразительно, но в рассматриваемом регионе Киев (как и Новгород) не был ни разу назван. Даже топоним Русь (святая Русь) упоминается лишь в одном сюжете – в «Суровце». Все остальные былины Русского Устья это географическое имя не знают.

Как мы показали, имя стольного князя Владимира русскоустынская традиция также почти полностью игнорирует: этот персонаж, как и его жена Апраксия, появляются лишь в былинах на сюжет «Алеша Попович и Тугарин Змеевич». Татары – главные противники русских богатырей – называются в былине «Суровец», причем в единственном топосе битвы героя с вражеской силой Пурги-царя:

Его копье борзумецко призагнулося –
Он хватил татару, стал помахивать,
Стал татару приговаривать:
«Татарские жилы не оторвутся,
Татарское тело не поторкается,
Татарские кости не проломаются»

[7, с. 236, № 107, ст. 43–48; см. также: с. 237–238, № 108].

В былинах «Михаил Данилович – малолетний богатырь», где традиционно богатырь также сражается с татарами, в Русском Устье лишь в одном варианте герой «Татар пленит, как лес клонит» [7, с. 240, № 110, ст. 70].

Характерной чертой русскоустынского песенного эпоса оказывается влияние на него рукописной традиции Древней Руси. Как мы показали, имеются все основания усматривать взаимодействие фольклорной устной традиции и древнерусской книжности в сюжетах «Михайло Данилович – малолетний богатырь» и «Наезд литовцев», а также в местных вариантах «Добрыни и Змея» и «Суровца».

Наш анализ показал, что песенно-эпический репертуар Русского Устья имеет явные сходства с корпусом былин Колымы и Анадыря, что вызвано, без сомнения, продвижением русских людей на нижнюю Колыму и Анадырь через Русское Устье, а также связями трех названных регионов.

С другой стороны, несмотря на то, что сама русскоустынская традиция с очевидностью должна была в той или иной степени восходить к енисейско-ангарской традиции (именно Енисей и Ангара являются начальными точками освоения Восточной Сибири), репертуар этих регионов значительно отличается друг от друга. На Енисее и Ангаре ведущими являются былины об Илье Муромце («Илья Муромец на Соколе-корабле», «Илья Муромец и разбойники», «Илья Муромец и Сокольник», «Илья Муромец и Калин-царь», «Илья Муромец и Идолище»). В Русском же Устье Илья Муромец ко времени записи былин оказался почти забытым богатырем. В Енисейско-Ангарском крае популярной была былина «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеша Поповича», не зафиксированная в Русском Устье; имеется там и неизвестный русскоустынцам «Сухман» [33]. Зато в Русском Устье чрезвычайно популярными оказались сюжеты «Михаил Данилович – малолетний богатырь» и «Наезд литовцев», не зафиксированные на Енисее и Ангаре.

Былинные традиции восточно-сибирских регионов, будучи, с одной стороны, связанными друг с другом единой историей заселения Сибири, в то же время, оказавшись разорванными огромными сибирскими просторами, развивались автономно друг от друга. Без сомнения,

былинная традиция, занесенная в Восточную Сибирь с русскими первопроходцами в первой половине XVII в., в дальнейшем подпитывалась новыми пришельцами из европейской России, приносившими в каждый из регионов свои сюжеты, которые постепенно сформировали местные корпуса песенного эпоса.

Литература

1. Биркенгоф, А. Л. Потомки землепроходцев: Воспоминания-очерки о русских поречанах низовьев и дельты реки Индигирки. – Москва : Мысль, 1972. – 22 с.
2. Чикачев, А. Г. Русские на Индигирке : Историко-этнографический очерк. – Новосибирск : Наука, 1990. – 186 с.
3. Алексеев, А. Н. Первые поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1996. – 151 с.
4. Русское Устье // Энциклопедия Якутии / главный редактор Ф. Г. Сафронов. – Москва : Якутская энциклопедия, 2000. – Т. 1. – С. 73.
5. Гурвич, И. С. Этническая история северо-востока Сибири. – Москва : Наука, 1966. – 269 с. – (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия ; Т. 89).
6. Зензинов, В. М. Старинные люди у холодного океана. – Якутск : Якутский край, 2001. – 350 с.
7. Фольклор Русского Устья / издание подготовили : С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. – Ленинград : Наука, 1986. – 384 с.
8. Кляус, В. Л., Супряга, С. В. Песенный фольклор русскоустинцев Якутии и семейских Забайкалья : материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. – Курск : Изд-во РОСИ, 2006. – 213 с.
9. Бузин, В. С., Егоров, С. Б. Субэтноты русских: Проблемы выделения и классификации // Малые этнические и этнографические группы : сборник статей, посвященный 80-летию со дня рождения Р. Ф. Итса. – Санкт-Петербург : ООО «Новая альтернативная полиграфия», 2008. – С. 328–329. – (Историческая этнография ; Вып. 3).
10. Вахтин, Н. Б., Головкин, Е. В., Швайтцер, П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. – Москва : Новое издательство, 2004. – 290 с.
11. Верхоянский сборник: Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. – Иркутск : Издано на средства И. М. Сибирякова, 1890. – 314 с. – (Зап. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва по этнографии ; Т. 1, вып. 3).
12. Иванова, Т. Г. Худяков Иван Александрович // Русские фольклористы : биобиблиографический словарь XVIII–XIX вв. : в 5 томах / под редакцией Т. Г. Ивановой. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2020. – Т. 5. – С. 500–507.
13. Шишкин, В. И. Зензинов Владимир Михайлович // Историческая энциклопедия Сибири / главный редактор В. А. Ламин. – Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. – Т. 1. – С. 595–596.
14. Шергалин, Е. Э. Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953) – забытый революционер и орнитолог // Русский орнитологический журнал. – 2013. – Т. 22. – Экспресс выпуск 893. – С. 1739–1752.
15. Назаров, В. В. Революционная, научная и публицистическая деятельность В. М. Зензинова // Манускрипт = Manuscript. – 2021. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 55–59.
16. Зензинов, В. М. Русское Устье Якутской области Верхоянского уезда // Этнографическое обозрение. – 1913. – № 1/2. – С. 221–224.
17. Каменецкая, Р. В. Предметы традиционной культуры русских старожилов долины р. Индигирки и собиратель коллекции Д. Д. Травин // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. – Ленинград : Наука, 1982. – С. 94–103. – (Сборник Музея антропологии и этнографии ; Т. 38).
18. Ермолин, Д. С. Мир старообрядцев глазами Д. Д. Травина: конфессиональные границы, ресурсы и трансформации в первой трети XX в. // Религиоведение. – 2022. – № 4. – С. 49–54.
19. Софронов, Ф. Г. Якутский краевед // Социалистическая Якутия. – 1967. – № 266 (14 ноября). – С. 4.
20. Советские историки-якутоведы : биобиблиографический справочник / АН СССР. ЯФ СО. Ин-т языка, литературы и истории. – Якутск : Кн. изд-во, 1973. – 86 с.
21. Кротов, М. А. В просторах Индигирки. – Якутск : Гос. изд-во, 1934. – 81 с.
22. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / издание подготовили Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. – Новосибирск : Наука, 1991. – 498 с.

23. Чикачев, А. Г. Этнографические исследования Н. М. Алексеева в Русском Устье // Якутский архив. – 2007. – № 2. – С. 91–94.
24. Иванова, Т. Г. Былины в Великоустюжском регионе // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера : материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003» / ответственный редактор Т. Г. Иванова. – Петрозаводск : Гос. историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Киж», 2003. – С. 28–30.
25. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / 2-е доп. изд. подготовили : А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. – Москва : Наука, 1977. – 487 с.
26. Азбелев, С. Н. Фольклор Русского Устья // Фольклор Русского Устья / издание подготовили : С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. – Ленинград : Наука, 1986. – С. 9–38.
27. Былины Мезени / корпус текстов и комментарии подготовили : А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова и др. – Санкт-Петербург : Наука ; Москва : Издательский центр «Классика», 2003. – 530 с. – (Свод русского фольклора: Былины : в 25 томах ; Т. 3).
28. Иванова, Т. Г. Топоним Рязань в севернорусских былинах // Народная культура в слове и тексте : сборник исследований и материалов памяти В. В. Филипповой. – Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2013. – С. 80–89.
29. Миллер, В. Ф. Очерки русской народной словесности. – Москва : тип. И. Д. Сытина, 1897. – Т. 1. – 464 с.
30. Иосиф Флавий. Иудейская война / перевод с древнегреческого М. Финкельберг и А. Вдовиченко. – Москва : Мосты культуры ; Иерусалим : Гершалим, 2006. – 523 с.
31. Творогов, О. В. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в. / ответственный редактор Д. С. Лихачев. – Ленинград : Наука, 1987. – С. 214–215.
32. Новиков, Ю. А. Сказитель и былинная традиция. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. – 374 с.
33. Иванова, Т. Г. Былинная традиция в бывшем Енисейском округе (уезде) // Эпосоведение. – 2023. – № 1. – С. 23–37. – DOI : 10.25587/SVFU.2023.63.59.003.

References

1. Birkenhof, A. L. Descendants of explorers: Memoirs and essays about Russian Porechans of the lower reaches and delta of the Indigirka River. Moscow, Mysl Publ., 1972, 22 p. (In Rus.)
2. Chikachev, A. G. Russians on the Indigirka: Historical and ethnographic essay. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 186 p. (In Rus.)
3. Alekseev, A. N. The first settlements of the XVII–XVIII centuries in the North-East of Yakutia. Novosibirsk, Publ. House of the Institute of Archaeology and Ethnography, 1996, 151 p. (In Rus.)
4. Russkoe Ustye. In: Encyclopedia of Yakutia. Editor-in-chief F. G. Safronov. Moscow, Yakut Encyclopedia Publ., 2000, vol. 1, p. 73. (In Rus.)
5. Gurvich, I. S. Ethnic history of the North-East of Siberia. Moscow, Nauka Publ., 1966, 269 p. (Proceedings of the Miklukho-Maclay Institute of Ethnography. New series; vol. 89). (In Rus.)
6. Zenzinov, V. M. Old people at the cold ocean. Yakutsk, Yakutskiy krai Publ., 2001, 350 p. (In Rus.)
7. Folklore of the Russian Ustya. Edited by S. N. Azbelev, G. L. Venediktov, N. A. Gabyshev et al. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 384 p. (In Rus.)
8. Klyaus, V. L., Supryaga, S. V. Song folklore of the Russko-Ustiintsy of Yakutia and Semeisky of Transbaikalia: materials for the study of life in a non-ethnic environment. Kursk, ROSI Publ., 2006, 213 p. (In Rus.)
9. Buzin, V. S., Egorov, S. B. Subethnoses of Russians: problems of identification and classification. In: Small ethnic and ethnographic groups: a collection of articles dedicated to the 80th anniversary of R. F. Eats. Saint Petersburg, LLC “Novaya al'ternativnaya poligrafiya”, 2008, pp. 328–329. (Historical ethnography; vol. 3). (In Rus.)
10. Vakhtin, N. B., Golovko, E. V., Schweitzer, P. Russian old-timers of Siberia: Social and symbolic aspects of self-consciousness. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2004, 290 p. (In Rus.)
11. Verkhoyansky collection: Yakut tales, songs, riddles and proverbs, as well as Russian tales and songs, recorded in Verkhoyanskiy district by I. A. Khudyakov. Irkutsk, Published at the expense of I. M. Sibiryakov,

- 1890, 314 p. (Notes of the East-Siberian branch of the Russian Geographical Society on ethnography; vol. 1, iss. 3). (In Rus.)
12. Ivanova, T. G. Khudyakov Ivan Aleksandrovich. In: Russian folklorists: a biobibliographical dictionary of the XVIII–XIX centuries: in 5 volumes. Edited by T. G. Ivanova. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2020, vol. 5, pp. 500–507. (In Rus.)
13. Shishkin, V. I. Zenzinov Vladimir Mikhailovich. In: Historical Encyclopedia of Siberia. Editor-in-chief V. A. Lamin. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2009, vol. 1, pp. 595–596. (In Rus.)
14. Shergalin, E. E. Vladimir Mikhailovich Zenzinov (1880–1953) a forgotten revolutionary and ornithologist. *Russian Ornithological Journal*. 2013, vol. 22, Express issue 893, pp. 1739–1752. (In Rus.)
15. Nazarov, V. V. Revolutionary, scientific and journalistic activity of V. M. Zenzinov. *Manuscript*. 2021, vol. 14, iss. 1, pp. 55–59. (In Rus.)
16. Zenzinov, V. M. Russian Ustye of the Yakut region of Verkhoyansk uyezd. *Ethnographic Review*. 1913, no. 1/2, pp. 221–224. (In Rus.)
17. Kamenetskaya, R. V. Items of traditional culture of Russian old residents of the Indigirka River valley and the collector D. D. Travin. In: Cultural monuments of the peoples of Europe and the European part of the USSR. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 94–103. (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography; vol. 38). (In Rus.)
18. Ermolin, D. S. The world of the Old Believers through the eyes of D. D. Travin: confessional boundaries, resources and transformations in the first third of the XX century. *Religious Studies*. 2022, no. 4, pp. 49–54. (In Rus.)
19. Sofronov, F. G. Yakut local historian. *Socialist Yakutia*. 1967, no. 266 (November 14), p. 4. (In Rus.)
20. Soviet historians-Yakutologists: a biobibliographical guide. USSR Academy of Sciences. Yakut filial SB. Institute of Language, Literature and History. Yakutsk, Book Publ. House, 1973, 86 p. (In Rus.)
21. Krotov, M. A. In the vastness of the Indigirka. Yakutsk, State Publ. House, 1934, 81 p. (In Rus.)
22. Russian epic poetry of Siberia and the Far East. Edited by Y. I. Smirnov and T. S. Shentalinskaya. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 498 p. (In Rus.)
23. Chikachev, A. G. Ethnographic research of N. M. Alekseev in the Russian Ustye. *Yakut archive*. 2007, no. 2, pp. 91–94. (In Rus.)
24. Ivanova, T. G. Bylinas in the Velikoustyugsky region. In: Local traditions in the folk culture of the Russian North: proceedings of the 4th International Scientific Conference “Ryabinin Readings-2003”. Executive editor T. G. Ivanova. Petrozavodsk, State Historical-Architectural and Ethnographic Museum-Reserve “Kizhi” Publ., 2003, pp. 28–30. (In Rus.)
25. Ancient Russian poems collected by Kirshey Danilov. 2nd supplementary edition prepared by A. P. Evgenieva, B. N. Putilov. Moscow, Nauka Publ., 1977, 487 p. (In Rus.)
26. Azbelev, S. N. Folklore of the Russian Ustye. In: Folklore of the Russkoe Ustye. Edited by S. N. Azbelev, G. L. Venediktov, N. A. Gabyshev et al. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 9–38. (In Rus.)
27. Bylinas of Mezen. Text corpus and comments prepared by A. A. Gorelov, T. G. Ivanova, A. N. Martynova et al. Saint Petersburg, Nauka Publ.; Moscow, Publishing center “Classics”, 2003, 530 p. (Russian folklore code: Bylinas: in 25 vol.; vol. 3). (In Rus.)
28. Ivanova, T. G. Toponym Ryazan in the Northern Russian Bylinas. In: Folk culture in word and text: a collection of studies and materials in memory of V. V. Filippova. Syktyvkar, Syktyvkar State University Press, 2013, pp. 80–89. (In Rus.)
29. Miller, V. F. Essays of Russian folk literature. Moscow, Typography by I. D. Sytin, 1897, vol. 1, 464 p. (In Rus.)
30. Josephus Flavius. The Jewish War. Translated from the ancient Greek by M. Finkelberg and A. Vdovichenko. Moscow, Bridges of Culture Publ.; Jerusalem, Gershalim Publ., 2006, 523 p. (In Rus.)
31. Tvorogov, O. V. “History of the Jewish War” by Joseph Flavius. In: Dictionary of bibliognosts and literacy of Ancient Russia. Iss. 1 (XI – first half of the XIV century. Executive editor D. S. Likhachev. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 214–215. (In Rus.)
32. Novikov, Yu. A. Storyteller and the Bylina tradition. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2000, 374 p. (In Rus.)
33. Ivanova, T. G. Bylina tradition in the former Yenisei district (uyezd). *Epic Studies*. 2023, no. 1, pp. 23–37. DOI: 10.25587/SVFU.2023.63.59.003. (In Rus.)